

Российская академия наук

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

1995 * 5

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

п 23
2364 а

В НОМЕРЕ:

К какой войне готовился Генеральный штаб РККА в 1941 г.

Г. К. Жуков: к портрету полководца

Героические символы: реальность и мифология войны

Послевоенное общество: голод и преступность. 1946—1947 гг.

Министерство народного просвещения и печать. 60-е годы XIX в.

Страховой закон 1912 г. и его практическое применение

Белая разведка и контрразведка на Юге России в годы Гражданской войны

Плеханов, утопизм и русская революция

Повесть временных лет: замысел и название

Общественный строй средневекового Полоцка

Публикации:

Триумф большевизма: революция или реакция?
С. Р. Томпкинс.

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ
НАУК

ИНСТИТУТ
РОССИЙСКОЙ
ИСТОРИИ

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В МАРТЕ
1957 ГОДА

ВЫХОДИТ
6 РАЗ
В ГОД

НАУКА
МОСКВА

сентябрь
октябрь

1995 * 5

lib

ПЛЕХАНОВ, УТОПИЗМ И РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Немецкая буржуазная революция, следовательно, может быть лишь прологом пролетарской революции.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии (1848)

Ни одна общественная формация не погибнет раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора...

К. Маркс. Предисловие к «Критике политической экономии» (1859)

Две эти цитаты указывают на центральное противоречие мысли Маркса. Если, как следует из первой цитаты, сразу же после буржуазной революции должна была последовать социалистическая, капитализм сошел бы с исторической сцены задолго до того, как в полной мере развились его производительные силы. Из второй явствует, что если производительные силы сумеют полностью реализовать свой потенциал при капитализме, тогда обязательно пройдет значительный промежуток времени между социалистической и буржуазной революциями. Конечно, между написанием «Манифеста» и «Критики политической экономии» последовал период в одиннадцать лет; и приводились убедительные аргументы в пользу того, что в те годы, углубив свои знания и опыт, Маркс перестал быть проповедником идеи перманентной революции и более всего подчеркивал социальноэкономические условия социалистической революции¹. Как бы то ни было, Маркс завещал своим последователям двусмысленное наследие, и в зависимости от обстоятельств как объективных, так и субъективных, тот или иной марксист может принять любой из этих прогнозов в качестве руководства к революционной стратегии и тактике.

Эти замечания, очевидно, приложимы и к истории русского революционного движения: читатель, вероятно, узнает подход Ленина (и Троцкого) в первой цитате, и Плеханова — во второй. Советская историография, конечно же, провозгласила путь Ленина верным и даже неизбежным; но рассматриваемая проблема не является сугубо академической, поскольку гласность и перестройка пробудили живой интерес к вопросу о жизнеспособности идей «отца русского марксизма» сегодня в нелегкой для страны ситуации. В середине 1989 г. «Аргументы и факты» поместили на видном месте статью о Плеханове в ответ на вопросы своих читателей о том, была ли альтернативная программа Плеханова лучше, чем ленинская, большевистская. В том же году редакторы «Вопросов истории» сочли уместным опубликовать запрещенное ранее письмо Плеханова, адресованное петроградским рабочим вскоре после Октябрьской революции, в котором содержалась резкая критика захвата власти большевиками. И в интервью газете бывший мэр Москвы Гавриил Попов утверждает, что нынешний экономический, политический и социальный кризис проистекает из семидесятилетнего эксперимента, сутью которого была волонтаристская попытка (он также называет ее «преждевременной» и «утопической»), которая опередила развитие производительных сил, извратила основные идеи марксизма и не посчиталась со взглядами таких ведущих марксистов, как Плеханов².

В свете этих соображений стоит еще раз рассмотреть взгляды Плеханова на революцию в России³, в особенности определить точность восприятия Плехановым динамики революционного процесса в России, образ мыслей, который привел

* Бейрон Сэмюэл Г., профессор истории Университета штата Северная Каролина, г. Чэпел Хилл (США).

его к такому яростному противостоянию Ленину и большевикам, и осуществимость как краткосрочных, так и долгосрочных мер, предлагаемых им. Мы можем прийти к заключению, что современные дискуссии имеют тенденцию к упрощению истории, что невозможно дать ясный ответ на вопрос «Был ли путь Плеханова лучше ленинского?», что Плеханов был и прав, и неправ, так же как Ленин и Троцкий, хотя и по-иному.

От народничества к марксизму. Будет поучительно сначала вспомнить процесс, в результате которого Плеханов, начинавший как активный деятель народничества, перенес свои политические симпатии на марксизм. Будучи народником и находясь под сильным влиянием Чернышевского⁴, молодой Плеханов думал, что для России было возможно революционным путем перейти прямо к социалистическому строю, минуя фазу капиталистического развития. Этот постулат указывает на пристрастие народников как предшественников русских радикалов к компаративистскому мышлению. Привлеченные социалистическим идеалом, возникшим на Западе, и желая воплотить его в жизнь, писатели-народники разработали теорию революции, которая, по их мнению, учитывала специфические условия в России. Социально-экономическая отсталость России проявлялась в ее почти исключительно аграрной экономике и в преобладании крестьянского населения, жестоко эксплуатируемого и поэтому глубоко неудовлетворенного своим положением. Отсюда следует, что, если России суждено было стать социалистической в недалеком будущем, то ее социализм обязательно носил бы аграрный характер. Эти рассуждения, согласно точке зрения народников, были далеко не утопичны, поскольку социально-экономический мир крестьян, и прежде всего его вековой патриархальный общинный уклад, привил крестьянам коллективистское мышление. Поэтому с ниспровержением репрессивного государственного строя существовали бы как социально-экономические (объективные), так и психологические (субъективные) предпосылки для установления социализма. Эта теория в своей основе утверждала исключительность российского исторического процесса: России было суждено перейти от докапиталистической формации непосредственно к социализму.

Присоединившись к народникам в 1875—1876 гг., Плеханов внес новую струю в философию этого движения. Хотя многие народники были знакомы с идеями Маркса и даже высоко ценили их, они, как правило, считали его постулаты непригодными для России. В противоположность им, познакомившись с некоторыми элементами марксистской идеологии, Плеханов настолько увлекся ею, что в очерке, многозначительно озаглавленном «Закон экономического развития общества и задачи социализма в России», он заявил о необходимости приспособить народническую программу к марксистской системе⁵. Он не только не соглашался с тем, что идеи Маркса были релевантны только при анализе западноевропейского капитализма, но утверждал обратное — их универсальную действенность. Однако это отнюдь не означает, что Маркс предрекал одинаковые исторические пути для всех народов. «... Общие законы социальной динамики существуют, но, переплетаясь и комбинируясь различно в различных обществах, они дают совершенно несходные результаты точно так же, как одни и те же законы тяготения дают в одном случае эллиптическую орбиту планеты, в другом — параболическую орбиту кометы». На это утверждение стоит обратить внимание, поскольку оно демонстрирует, что в то время Плеханов гибко интерпретировал марксизм, очевидно, считая, что его принципы были совместимы с идеей российской исключительности.

Плеханов косвенным образом объяснил противоположные модели российского и западноевропейского развития, сославшись на материалистический постулат о том, что бытие определяет сознание. На Западе, говорил он, когда-то преобладавшая крестьянская община и коллективистские инстинкты, ассоциировавшиеся с ней, в какой-то момент были разрушены появлением частной собственности и философии индивидуализма. Захваченные этим процессом, западные народы не

могли перепрыгнуть ни через один этап исторического развития. Вместо этого им было суждено прийти к социализму благодаря коллективистски настроенному пролетариату, возвращенному крупным промышленным производством развитого капитализма. В отличие от Запада, считал Плеханов, капитализм и индивидуализм не смогли пустить в России глубокие корни. Он настаивал на том, что крестьянская община, коллективистская в своей основе, оставалась фундаментом российского общественного строя и она «не несла в себе элементы собственной гибели». По этой причине Россия обладала всем необходимым для перехода к социализму на основе, отличной от западной.

Очевидно, что для Плеханова достоверность народнической теории основывалась на жизнеспособности крестьянской общины. Его последующий отказ от народничества в пользу марксизма был вызван, с одной стороны, печальным опытом коммун во многих странах, а с другой — реальностью капитализма с его разделением труда, который прокладывает себе путь в Россию⁶. Когда в 1880 г. Плеханов отправился в изгнание в Западную Европу, он настойчиво стремился найти идеи и факты, которые помогли бы ему понять ситуацию, разворачивающуюся в России, сопоставляя ее с процессом развития других стран и цивилизаций через призму трудов по европейской истории и работ Маркса, которые он штудировал; рост числа промышленных предприятий, ставших реальностью российских городов, и фабричные рабочие, в чьей среде Плеханов проводил агитацию, приобрели для него новое значение. Промышленное развитие России, все еще слабое, указывало на будущее господство капитализма. Кроме того, ярким подтверждением правоты марксистской точки зрения для него явилось то, что пролетариат, среди которых он работал, несомненно активнее поддавались социалистической пропаганде, чем крестьяне⁷.

Плеханов начал критически пересматривать позицию народников⁸. Его исследования подтверждали предположение, что капитализм проникал как в город, так и в сельскую местность вместе с промышленным производством и ростом пролетариата. Более того, под влиянием товарного производства когда-то эгалитарная крестьянская община подвергалась процессу социального расслоения, и в изменяющейся среде некоторые слои крестьянства становились менее коллективистскими и более буржуазными в своем мировоззрении, в то время как другие пролетаризировались. Если социалистическому движению суждено было преуспеть, то ему следовало основываться на реалистической, объективной оценке социально-экономического уровня и исторического пути, на который вступало общество; оно должно было принять во внимание исторические законы, открытые Марксом. Социалистическое учение не было чем-то вроде точной науки геометрии, чем-то, что можно было по желанию принять и воплотить в любое время в любой стране, независимо от стадии ее исторического развития. Но народники, не учитывая противоречий между своими целями и средствами их достижения, субъективно продолжали полагаться на структуры, которые были обречены историей на забвение.

Предполагая, что поддержанная крестьянством революция должна успешно осуществляться, Плеханов заметил, что она неизбежно примет крестьянскую программу. Однако крестьяне отдавали предпочтение «черному переделу», а не социалистической системе. В качестве альтернативы в минуту удивительной прозорливости Плеханов провидел возможность, когда революционный комитет может захватить власть и постарается удержать ее, при этом он даже допускал, что цели народа и интересы комитета не совпадут. Если бы тогда революционный комитет попытался организовать социалистическое производство в отсутствие как объективных условий, так и всеобщего одобрения этой программы, ему бы пришлось «искать спасение в идеалах «патриархального и авторитарного коммунизма», внося в эти идеалы лишь то видоизменение, что вместо перуанских «сынов Солнца» и их чиновников национальным производством будет заведовать социалистическая каста»⁹. Другими словами, революционеры будут обязаны управлять, как древние перуанцы, деспотическими методами.

В общем, Плеханов стал считать взгляды народников безнадежно нереалистическими, одним словом, утопическими. Если раньше он верил, что марксизм совместим с народничеством, то сейчас он противопоставлял научный характер одного утопизму другого. В представлении Плеханова, его собственная миссия заключалась в том, чтобы отвлечь революционное движение от утопизма и направить его в научное русло. Трудно переоценить важность этого момента в творчестве Плеханова для понимания той позиции, которую он займет позднее. Большая часть его дальнейшего пути была посвящена борьбе вокруг таких вопросов, как наука против утопизма, детерминизм против революционной воли и исторический закон против субъективизма.

Излишне говорить о том, что Плеханов не удовлетворился одной лишь критикой чужих взглядов; он предложил свою программу, основанную на его понимании пути развития, уготованном России. Убежденный в том, что социально-экономическая отсталость его родины исключала возможность социалистической революции в ближайшем будущем, Плеханов верил в то, что Россия уже достаточно продвинулась по пути капитализма для того, чтобы в недалеком будущем в стране суждено было свершиться перевороту подобно французскому в 1789 г., — буржуазно-демократической революции. Вслед за свержением самодержавия он ожидал для России тех же событий, которые наблюдались в Германии: бурного развития капитализма, приумножения рядов пролетариата и роста социалистического движения. Нельзя было ожидать незамедлительной реализации этих прогнозов, но в конечном итоге условия будут подготовлены для второй революции — социалистической. Неудивительно, что имея такое представление о будущем России, сложившееся на основе анализа опыта Европы, Плеханов еще в конце 1881 г. высказал мысль о том, что между российской историей и историей Западной Европы нет существенных различий¹⁰.

Фактически Плеханов включал в свой прогноз революционных событий на несколько последующих лет — иногда сознательно, иногда нет, противоречащие европейскому опыту элементы, потенциально чреватые иным результатом, нежели тот, на который он вместе с европейскими марксистами рассчитывал. Самым главным в революционной тактике Плеханова было утверждение Маркса в «Коммунистическом манифесте» о том, что социалистам следует бороться против абсолютизма совместно с буржуазией, в то же время внедряя в сознание пролетариата идею о противоречии между собственными его интересами и интересами буржуазии¹¹. Однако он полагал, что российской буржуазии не хватит революционного запала, и поэтому инициатором атаки на абсолютизм придется выступать рабочему классу. По мнению Плеханова, политическая свобода будет завоевана либо рабочим классом, либо это не произойдет никогда¹².

Он полагал, что фактически рабочий класс играл более или менее значительную роль в революциях 1789 и 1848 гг., но, поскольку рабочим недоставало классовой сознательности, то плодами побед воспользовалась буржуазия, оставив рабочих ни с чем. Вмешательство российских социал-демократов, настаивал он, будет чрезвычайно важно и необходимо как для обеспечения участия пролетариата в свержении абсолютизма, так и для того, чтобы рабочий класс вступил на политическую арену как независимая сила, обладающая классовым сознанием и способная гарантировать себе экономические и политические права при новом строе. Социал-демократы планировали добиться этого, внушая пролетариату идею классового сознания, и тем самым связывая буржуазную и социалистическую революции, которые тем не менее должны были быть разделены длительным промежутком времени.

Плеханов периодически указывал на то, что условия, существовавшие в России, а также пути ее исторического развития были самобытны и отличались от тех, которые обозначились в Европе. У России не было необходимости скрупулезно следовать опыту более развитых стран и проходить все стадии промышленного развития; наоборот, она могла перенять самую последнюю технологию и формы промышленной организации и, таким образом, энергично модернизировать свою

экономику. Точно так же российским социалистам не нужно было нащупывать свой путь к действенной стратегии и тактике, поскольку они могли непосредственно перенять опыт западного рабочего и социалистического движения. Подобные рассуждения, безусловно, допускали возможность более короткого капиталистического этапа в России, чем на Западе, но у Плеханова была тенденция принижать роль этих факторов и считать их лишь второстепенными. То же относилось и к его представлению о российской буржуазии, которой, по его мнению, недоставало революционного пыла. Плеханов был уверен в том, что западная модель являла собой надежный ориентир для России, не учитывая того, что ее особые условия, о которых он говорил, или программа активных действий, которую он выдвигал, могут привести к существенно иной модели развития.

Безусловно, важно отметить место крестьянства в революционных проектах Плеханова. Как бывший народник, он не мог забыть о том, что подавляющее большинство населения составляли крестьяне. Но, когда он воспринял марксизм, его отношение к крестьянству резко сменилось на противоположное. Сейчас он был склонен смотреть на крестьянские массы с неприязнью, чтобы не сказать — враждебно. В своем желании навсегда сохранить мелкое производство, считал он, крестьяне обнаруживали свою приверженность реакционным мелкобуржуазным иллюзиям. Более того, «политическая индифферентность и умственная отсталость» крестьян делали их главным оплотом царского самодержавия. По этим причинам — и, кажется, не осознавая или забыв о той огромной позитивной роли, которую сыграло сельское население на ранних этапах Французской революции, — Плеханов полагал, что можно не принимать во внимание крестьянство в приближающейся революции, хотя окончательно и не сбрасывал его со счетов¹³.

Революция 1905 года. К 1905 г. русские социал-демократы в целом восприняли марксизм, адаптированный Плехановым для России, где центральное место отводилось революционному двухэтапному плану. При отсутствии у России какого-то ни было непосредственного революционного опыта, Французская революция, как образец, продолжала оказывать мощное воздействие на мышление российских марксистов. 1905 год выдвинул на арену борьбы самые различные социальные силы, выявил между ними определенные связи и, в более общем плане, динамику революционного процесса в России. Поэтому события 1905 г. не могли не показать всю глубину противоречий между тщательно разработанной теоретической моделью и политической реальностью.

И Ленин, и Троцкий обнаружили существование важных несовпадений теории и практики. Они отреагировали на них выдвижением новых программ, подогнанных под особые российские условия, выявленные в ходе революции. Пораженный мощью крестьянского бунта и тем, что он принял за нерешительность действий буржуазии, Ленин заявил, что самодержавие сменится не буржуазным строем, а «революционной диктатурой пролетариата и крестьянства»¹⁴. Что же касается Троцкого, то опыт 1905 г. привел его к созданию теории перманентной революции, согласно которой социалистическая революция должна последовать вскоре после свержения абсолютизма. Троцкий разработал свою теорию, частично ссылаясь на особенности социального развития России, главным образом на появление воинствующего пролетариата в стране, где огромные крестьянские массы были недовольны своим положением; и частично — путем сравнительного анализа соотношения сил в революциях 1789, 1848 и 1905 гг., где особое внимание уделялось той постепенно снижающейся роли, которую играла в них буржуазия¹⁵.

В отличие от Ленина и Троцкого Плеханов отказался признать, что события 1905 г. поставили под серьезные сомнения его теоретические выкладки. Тем не менее, ему пришлось признать некоторые немаловажные отклонения от них. Он признал ведущую роль, взятую на себя пролетариатом, но опасался, что тот зашел слишком далеко. Посвятив всю свою жизнь повышению классового самосознания пролетариата, сейчас он мог написать: «Трудность состоит для нас не в том, чтобы сознать противоположность интересов буржуазии и пролетариата. В наших рядах

признание этой противоположности приобрело уже, можно сказать, прочность предрассудка»¹⁶. Подлинное классовое сознание, настоятельно подчеркивал он, также требует признания пределов социальных изменений, что диктуется уровнем экономического развития страны. Соответственно социал-демократы должны были внушить пролетариату мысль о том, что Россия созрела лишь для «буржуазной революции», и что было бы безрассудством идти дальше этого этапа.

Плеханов обвинял буржуазию в неспособности включиться в длительную революционную борьбу, хотя он и раньше предсказывал такую возможность. Он объяснял эту особенность российской буржуазии тем, что она опасалась, как бы революция не зашла слишком далеко и тем самым не повредила ее классовым интересам¹⁷. Плеханов не мог игнорировать широкое и активное движение крестьянства, но он часто принижал его важность на том сомнительном основании, что якобы крестьянские устремления были реакционны и лишены здравого смысла. Социал-демократам, считал он, не следует поддерживать мелкого собственника в противовес крупному, когда крупное землевладение представляло собой не пережиток феодализма, а феномен прогрессивного экономического развития. Им также не следует одобрять явное желание некоторой части крестьянства передать государству землю, конфискованную у помещиков, поскольку это означало бы возврат к экономическому базису восточного деспотизма. В силу этих причин, а также с учетом предполагаемого отсутствия политической сознательности у крестьян Плеханов пришел к выводу, что крестьянство не является политическим единомышленником и надежным союзником пролетариата¹⁸. Таким образом, признавая, что действительность не во всем совпадала с ранее разработанной им схемой, Плеханов тем не менее был склонен недооценивать значимость этих моментов и настаивать на собственной правоте.

Неудивительно, что в 1905—1906 гг. Плеханов бросал в адрес Ленина и большевиков упреки, напоминающие те, которыми он осыпал всевозможных выразителей идей народничества. Согласно его точке зрения, большевики не понимали, какие цели были в историческом плане тактически достижимы; они не смогли объективно оценить ситуацию, и потому средства, которыми они располагали, оказались неадекватными поставленным целям.

Будучи убежден в том, что его оппоненты нарушали фундаментальные принципы марксизма, Плеханов охарактеризовал их идеи как «политические галлюцинации». В своем отрицании объективных критериев и в поисках достижения недостижимого некими волшебными средствами, они напоминали ранних революционеров, кого Энгельс называл «алхимиками революции»¹⁹. Подчас он видит в них пленников утопического мышления; но, что, возможно, более важно, он уподоблял Ленина народникам, т. е. тем, кого заклеил как бланкистов за их самонадеянное представление о том, что революционная клика способна захватить власть и во что бы то ни стало осуществить социалистическую революцию²⁰.

Плеханов приходил в ужас от утверждений, что Россия может миновать этап буржуазной революции или что он может быть пройден очень быстро. Но в то же время он признавал, что влияние Ленина возросло, что в огне революционной борьбы идеи Троцкого завоевали значительную поддержку даже среди таких лидеров меньшевиков, как Ф. Н. Дан и Л. С. Мартынов, и что его собственное влияние уже уменьшилось.

Поэтому в октябре 1906 г. Плеханов обратился к лидерам международного социализма с просьбой оценить ситуацию в России, будучи уверенным в том, что с их помощью баланс сил в революционном движении сместится в его пользу²¹. Как один из редакторов московского журнала «Современная жизнь», он обещал опубликовать их ответы на серию вопросов: 1. Каков характер надвигающейся русской революции, буржуазный или социалистический? 2. В предстоящей борьбе против автократии какова должна быть позиция социал-демократов в отношении буржуазной демократии? 3. Каково должно быть отношение социал-демократов к оппозиционным буржуазным партиям на предстоящих выборах? Его собственные

соображения по этим вопросам уже не раз были оглашены²². Конечно же, надвигающийся переворот мог быть только буржуазной революцией. В борьбе против самодержавия социал-демократам следует поддержать буржуазную демократию. И в избирательной кампании было бы желательно, чтобы они вступили в соглашения с буржуазными оппозиционными партиями.

Набралось двенадцать респондентов, которые в основном сосредоточились на первых двух вопросах и уклонились от ответа на третий. К удивлению и огорчению Плеханова, только трое из двенадцати дали те ответы, на которые он рассчитывал. Остальные не были склонны считать, что российская революция может быть уподоблена Французской образца 1789 г. Участие в ней рабочих и социалистические идеи, проявившиеся в революции 1905 г., были слишком очевидны, чтобы смотреть на российскую революцию как исключительно на буржуазную. Однако респонденты полагали, что переворот в России не предвещал и социалистическую революцию, поскольку экономика и население страны были слишком отсталыми для организации социалистического производства²³. В той или иной степени эти респонденты осознавали противоречие

в самой сути русской революции, противоречие между ее главными движущими силами и социально-экономической отсталостью России, между желанием миновать буржуазную революцию и отсутствием в России предпосылок для установления социалистического строя.

Очень важным был ответ Каутского или, скорее, комментариев к вопросу Плеханова, появившийся в форме статьи в двух номерах газеты «Die Neue Zeit»²⁴. Основанный на глубоком изучении проблемы, ответ Каутского был самым развернутым, всеобъемлющим и взвешенным и представлял собой продуманный синтез, но последним достоинством которого явилось понимание роли случайности в революции и конечной непредсказуемости хода событий. С его точки зрения, эра буржуазной революции миновала, поскольку буржуазия перестала быть революционным классом, когда (как это случилось в России) пролетариат начал выступать как независимая сила со своими собственными целями. Сейчас пролетариат являл собой революционный авангард, но так как он не был достаточно силен, чтобы в одиночку взять власть, российскую революцию нельзя было назвать и социалистической.

Однако Каутский считал «вполне возможным», что в ходе революции власть перейдет к социал-демократам и (хотя это было менее вероятным) что они смогут ввести социалистическую систему производства. Необходимым условием для победы пролетариата являлась его поддержка крестьянством. По мнению Каутского, аграрный вопрос был самой острой проблемой для России, и только социалисты могли ее разрешить. Поддерживая экономические требования крестьян, социал-демократы могли бы заручиться их поддержкой, а затем и прийти к власти. Они должны быть готовы к этому, поскольку «нельзя успешно вести борьбу, заранее отказываясь от победы». Вместе с тем не нужно питать иллюзий относительно того, что свержение старого режима само по себе расчистит путь к социалистической организации производства. Парадокс состоит в том, что если революция завершится победой, то это будет способствовать появлению крестьянина, приверженца частной собственности, что станет мощным препятствием на пути пролетариата к достижению целей построения социализма. Однако, считал Каутский, ситуация была неустойчивой, и в зависимости от таких неопределенных факторов, как продолжительность революции, ее воздействие на рабочее движение на Западе и влияние последнего на Россию, может появиться шанс, пусть и слабый, на быстрый переход к социализму.

Каутский кратко изложил свои взгляды в следующих словах: «Мы должны привыкнуть к мысли, что мы сталкиваемся с совершенно новыми ситуациями и проблемами, к которым не подходит ни одно из старых определений. Мы поступим наиболее правильно в отношении русской революции и задач, которые она ставит перед нами, если мы будем рассматривать ее не как буржуазную революцию в обычном смысле этого термина, а также не как социалистическую революцию, а

как нечто совершенно новое, происходящее на границе между буржуазным и социалистическим обществом, способствующее уничтожению первого, подготавливая условия для второго и в любом случае давая мощный толчок прогрессивному развитию стран капиталистической цивилизации»²⁵. Видение Каутским будущего имело много общего со взглядами Троцкого, изложенными в его брошюре «Результаты и перспективы». Однако оно было менее апокалипсическим и даже больше напоминало предвиденную Лениным диктатуру пролетариата и крестьянства. И, поскольку сходство было очевидным, большевики быстро перевели и опубликовали статью Каутского с предисловием Ленина. Большевистский лидер торжествуя отмечил, что Каутского не смогли ввести в заблуждение «неумные вопросы» Плеханова. Хотя Ленин проигнорировал некоторые предостерегающие моменты в анализе Каутского, он не без основания ликовал, видя в нем самое блестящее подтверждение тактики большевиков, революционного крыла русской социал-демократии. По иронии судьбы, авторитет ведущего европейского теоретика марксизма был пущен в ход не в поддержку взглядов Плеханова (на что тот, безусловно, рассчитывал), а его основного противника. Это явилось для Плеханова сокрушительным ударом.

Конечно же, Плеханов вынужден был ответить Каутскому, но его возражения оказались неубедительными, ибо содержали изрядную долю разглагольствований, догматизма и бездоказательных доводов²⁶. В довершение всего ему не удалось противостоять Каутскому и опровергнуть его выводы, приведенные выше, что ставило под сомнение кардинальные положения самого Плеханова.

Революция 1905 г. продемонстрировала невозможность запрячь в одну повозку буржуазию и пролетариат с его классовым сознанием в «буржуазной» революции классического типа. Но за долгое время Плеханов настолько сжился со своей схемой, что оказался неспособным принимать во внимание другие возможности.

Он был уже не тем человеком, который вопреки видимым признакам распада крестьянской общины и зарождения капитализма когда-то отказался от народничества в пользу марксизма, который когда-то доказывал, что общие законы движущих сил общества переплетаются и взаимодействуют в разных обществах по-разному, приводя к совершенно разным результатам. В отличие от Ленина и Троцкого, которые разглядели отличительные черты российской революции, Плеханов не принимал в расчет то, что было открыто в отношении движущих сил революции. Отвечая большинству лидеров международного социалистического движения во главе с Каутским, он изо дня в день говорил о низком уровне социально-экономического развития России, что, бесспорно, было вопросом огромной важности. Но, в отличие от Ленина и Троцкого, Плеханов смотрел на это обстоятельство односторонне, считая его самым решающим в определении ситуации.

Точнее, события 1905 г. вызвали у Плеханова необходимость внести некоторые изменения в его тактику и стать более сдержанным в суждениях. Органически Плеханов не мог не признавать революцию, в то же время он не хотел, чтобы его имя ассоциировалось с тем ее типом, который предвещали события 1905 г. При сложившихся обстоятельствах ему представлялось разумным агитировать рабочих участвовать в профсоюзах, кооперативах и выборных органах, а также поддерживать любые прогрессивные инициативы, исходившие от либералов²⁷. Таким образом, при помощи социал-демократов пролетариат мог бы достигнуть лучшего осознания своего положения в обществе и найти оптимальные способы выдвижения своих требований. Он смог бы обрести подлинное классовое сознание — защиту от сомнительного участия в «бредовых» авантюрах. В качестве примера Плеханов указывал на немецкую социал-демократическую партию, не замечая (что впоследствии стало общепризнанным) того, что она использовала революционную риторику и осуждала реформизм, в действительности же проводя реформистскую политику. После 1905 г. Плеханов провозгласил аналогичную тактику, упорно считая, что она составляла наиболее действенную революционную линию.

1917 год и после. Хотя это, конечно же, спорное суждение, но можно предположить, что если бы не разразилась война, то революция и тем более переворот 1917 г. вряд ли бы могли произойти²⁸. Для создания первой революционной ситуации и свержения царского режима потребовалась всеобщая разруха, вызванная мировой войной, приведшая к крайнему обострению недовольства рабочих и крестьян, и скопление в столице и вокруг нее огромного числа новобранцев, которые не желали, чтобы правительство использовало их как пушечное мясо. Тем, кто сейчас сокрушается по поводу того, что с революцией не покончили сразу же, следует напомнить об обстоятельствах того времени, крайне неблагоприятных для такого решения²⁹.

Появление в феврале 1917 г. не только умеренно-либерального Временного правительства, но и Советов рабочих и солдатских депутатов (а вскоре возникли и крестьянские Советы) указывало на то, что революция может выйти, а, возможно, уже вышла, за рамки буржуазной. Однако умеренные социалисты, которые в течение полугода составляли большинство в Советах, все еще находились под влиянием двухэтапной программы Плеханова, остро сознавая отсталость России; в силу этого они стремились предотвратить последующий поступательный ход революции. Если бы только они более чутко реагировали на требования солдат и крестьян, если бы только они вывели Россию из войны и благословили бы процесс захвата земли, набирающий силу в сельской местности, они могли бы победить. Однако они предпочли поступить по-другому и были сметены большевиками, которые обещали мир, землю и хлеб. Гений Ленина проявился в провоцировании всех сил, среди которых наблюдались волнения и недовольство, и в умении пристегнуть их к своей революционной упряжке. Его руководство было необходимым, как утверждал вместе с другими Троцкий, но не следует забывать, что, настаивая на переходе от одной революции к другой, он отказался от идеи диктатуры пролетариата и крестьянства, которую разработал в 1905 г., и фактически воплотил теорию перманентной революции, выдвинутую Троцким в 1906 г.

Находясь значительно правее умеренных социалистов в 1917 г., Плеханов имел еще меньше шансов на успех, чем они. Он так горячо поддерживал войну, что царское правительство посчитало уместным тайно профинансировать публикацию и широкое распространение одной из его статей, которая обосновывала его оборончество³⁰; он выступал в том же духе после возвращения в Россию в конце марта 1917 г. Хотя Плеханова и встретили как героя, вскоре стало очевидно, что его политическая повестка дня, в которой приоритет был отдан победе над Германией, не соответствовала настроению революционного Петрограда. Плеханову не удалось обеспечить себе сколько-нибудь значительного положения ни в Исполнительном комитете Советов, ни во Временном правительстве. Беспреданно призывая к сдержанности взбунтовавшихся рабочих, солдат и крестьян, которые желали свести счеты со своими хозяевами, и яростно критикуя умеренных социалистов даже за те полумеры, принятые ими для успокоения масс, Плеханов быстро утрачивал свое влияние³¹. Он снова, как и в 1905—1906 гг., сурово критиковал Ленина, но наряду со старыми аргументами им выдвигались и новые. Плеханов заклеил ленинские «Апрельские тезисы», назвав их «бредом», и, поскольку ленинская программа, казалось, не принимала в расчет всех тех ограничений, которые навязывал уровень экономического развития России, он осудил ее как отрицание марксизма и возврат к утопическому социализму раннего периода. Неоднократно он напоминал публике об изречении Маркса о том, что ни одна общественная формация не погибнет раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора; и о предупреждении Энгельса о катастрофических последствиях преждевременного захвата власти³². И все же на своем смертном одре он, кажется, наконец понял, насколько его собственные усилия способствовали большевистской революции, которую он находил такой отвратительной. Он постоянно задавал своему другу Льву Дейчу мучивший его вопрос: «Не принялись ли мы за пропаганду марксизма слишком рано в отсталой полуазиатской России?»³³.

Плеханов был повержен в 1917 г., но что же увенчалось триумфом и как это произошло? Большевики во главе с Лениным и Троцким взяли власть, и этот захват власти они провозгласили социалистической революцией. Многие политически активные пролетарии, несомненно, разделяли эту точку зрения, хотя Союз железнодорожных рабочих, со своей стороны, выступил против большевистской монополии на власть и грозил забастовкой, если не будет сформировано общесоциалистическое правительство³⁴. Что касается крестьян, то они уже провели распределение земли насильственным путем, что было одобрено большевиками. Однако большевистский лозунг «Земля крестьянам!» противоречил аграрному пункту программы их партии. В 1917 г. Ленин фактически присвоил аграрную программу своих политических соперников социал-революционеров, чтобы нацелить большевиков на выполнение самых неотложных требований крестьянства³⁵.

Аграрная революция 1917 г. объективно явилась буржуазной революцией в том смысле, что в ее результате были конфискованы поместья крупных землевладельцев, государства и Церкви. Она превратила массы безземельных сельских жителей в собственников, и эти мелкие собственники стали более крепкими хозяевами, чем прежние³⁶. 1917 и 1918 годы действительно явились временем быстрого возрождения традиционной общины, которую крестьяне приветствовали, поскольку видели в ней некий способ дележа конфискованных земель. Желания крестьян были несколько противоречивы: с одной стороны, они хотели иметь собственные наделы, с другой — ту защиту от эксплуатации (связанную с частной собственностью на землю), которую, как они полагали, могла обеспечить коммуна, ориентированная на эгалитаризм³⁷. Такая аграрная революция имела мало или вообще ничего общего с ленинской концепцией социализма. Как революционное правительство, приверженное идее социализма, справится с преимущественно крестьянским населением, главным образом занимавшимся семейным фермерством внутри коммуны, явилось головоломкой, которую советскому режиму придется решать снова и снова.

В 80—90-х гг. Плеханов выдвинул идею о том, что ниспровержение самодержавия может явиться детонатором социалистической революции на Западе, а, в свою очередь, развитие событий на Западе способно ускорить переход к социализму в России. Не сложно понять, учитывая его точку зрения в 1905 и 1917 гг., почему он не настаивал на этой мысли в эти годы³⁸. Однако в 1917 г. и Ленин, и Троцкий очень рассчитывали именно на такой ход событий как на возможность чем-то компенсировать социально-экономическую отсталость России и устранить проблему, которую она представляла для социалистической революции³⁹. Они не могли вообразить, что социалистическое правительство в отсталой России способно выжить и, более того, продолжать строить социалистический правопорядок. Тем не менее они предпочли взять власть, отчаянно надеясь на то, что их революция послужит катализатором революции в Западной Европе. Пролетариат в Германии и других странах, воодушевленный примером России, свергнет господство национальной буржуазии, и тогда Советская Россия сможет рассчитывать на помощь вновь появившихся социалистических режимов, что как-то нейтрализует отсталость России и даст ей возможность создать социалистическое общество. В этой игре ставки большевиков были высоки — и они проиграли. И тогда проблема социалистического правительства, которое столкнулось по большей части с несоциалистическим или даже антисоциалистическим населением, стала еще острее.

После Гражданской войны для того, чтобы восстановить сельскохозяйственное производство, которое катастрофически упало в ответ на регламентацию, навязанную «военным коммунизмом», Ленин почувствовал необходимость отступить, пойти на уступки крестьянам, передав им контроль над собственным производством и распределением продукции. Позже Сталин пошел в наступление, учинив разгул насилия, чтобы навязать деревне коллективизацию сельского хозяйства. Эта контрреволюционная мера свела к нулю все то, что в глазах крестьянства являлось историческим достижением 1917 г. Эти постреволуционные процессы не

могут не напомнить нам об анализе Плеханова и опровержении им программы народников, о которой мы упоминали ранее. Уступка Ленина крестьянству представляла собой императив партии (которая взяла власть в результате революции, широко поддерживаемой крестьянами) принять программу, созвучную их интересам; революция Сталина явилась деспотическим насаждением (вопреки воле населения) программы, вытекающей из негибкого восприятия идеологии. То, что недавно многими считалось источником советского кризиса, — так называемая командно-административная система, — есть не что иное, как все тот же тоталитарный порядок, введенный Сталиным, как необходимость на решающем этапе его принудительного марша к «светлому социалистическому будущему»⁴⁰.

Как оказывается, не существует простого ответа на вопрос: была ли альтернатива Плеханова лучше, чем путь Ленина. На этот вопрос нельзя ответить абстрактно, а только ссылаясь на конкретные исторические обстоятельства. В конечном итоге, т. е., с точки зрения нынешнего дня, альтернатива Плеханова может показаться предпочтительнее⁴¹. Но путь, продолженный им, не был по-настоящему возможен, не был жизненным в бурной революционной ситуации 1917 г. На политической арене Плеханов был повержен Лениным и Троцким — людьми с исключительной политической интуицией, тонко понимавшими страсти, которые правят людьми, расстановку сил и исключительное значение выбора момента в революционных расчетах. В отличие от Плеханова они поняли, что было невозможно запрячь в одну повозку пролетариат, обладающий классовой сознательностью, и буржуазию в «буржуазной» революции западноевропейского типа, характерной для предыдущего периода. Со своей стороны, Плеханов был не менее уверен в том, что объединить пролетариат с «отсталым» крестьянством в истинно социалистической революции будет невозможно. Он считал, что нельзя, нарушая законы истории, игнорируя жизненно важные социоэкономические предпосылки, поступая произвольно, вопреки детерминизму, построить достойное социалистическое общество. Каждая из сторон восприняла лишь часть правды, и никто — всю правду. Это еще раз указывает на необходимость, которую не всегда должным образом понимают, различать как отдельные процессы — свершение революции и построение нового желаемого общества. Как неоднократно показывала история, успех в первом случае ни в коей мере не гарантирует успеха во втором.

Похоже, что в России, по иронии судьбы, успешная революция создала непреодолимые препятствия для успешного построения нового общества. Трудно найти другое великое историческое событие, которое несло бы в себе больше противоречий, чем российская революция 1917 г.

Примечания

¹ Об эволюции взглядов Маркса и двусмысленном характере его наследия см.: Lichtheim G. *Marxism: An Historical and Critical Study*. 2-nd (revised) ed. N. Y., 1965. Ch. 6; Wolfe B. *Marxism: 100 Years in the Life of a Doctrine*. N. Y., 1965. Ch. 9.

² Аргументы и факты. 1989. Июнь; Вопросы истории. 1989. № 2; Известия. 1990. 28 июня. Думается, не сбывается ли предсказание, сделанное в 20-е гг. М. Н. Покровским в ходе полемики против воззрений Плеханова, что его трактовка российской истории все еще может сделать его «учителем будущего», в чем и состоит опасность «возрождения плехановизма». См.: Покровский М. Н. *Историческая наука и борьба классов*. М.; Л., 1933. Т. 1. С. 99—100.

³ Отчасти эта статья основывается на моем биографическом исследовании: Baron S. H. *Plekhanov: The Father of Russian Marxism*. Stanford, 1963. Некоторые новые разыскания и мысли по данному вопросу можно найти в двух моих недавних публикациях: Baron S. H. *Plekhanov. International Socialism and the Revolution of 1905/La Première Révolution Russe* Coquin F. X., C. Gervais-Francelle (ed.). Paris, 1984.

⁴ Плеханов — Лаврову//Дела и дни. 1921. № 2. С. 86.

⁵ Плеханов Г. В. *Сочинения*: В 24 т. М., 1923—1927. Т. 1. С. 56—74.

⁶ Особую важность представляли для него труды М. Ковалевского «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения» (М., 1879) и В. И. Орлова «Формы крестьянского землевладения в Московской губернии» (М., 1879).

⁷ Более подробно см.: Baron S. H. *Plekhanov: The Father...* P. 65—75.

⁸ Он изложил свою критику народников всех мастей, а также свою позитивную программу для русского революционного движения в своих первых двух основных марксистских трактатах: «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия».

⁹ Плеханов Г. В. Соч. Т. I. С. 81. Под «детьми Солнца» подразумевается правящая верхушка деспотического общества в Древнем Перу.

¹⁰ Дела и дни. 1921. №2. С. 91.

¹¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 459.

¹² Впервые эти слова Плеханов произнес на конгрессе Социалистического Интернационала в 1889 г., но он еще в 1883 г. считал, что эта идея была неоспоримой истиной. Невозможно завоевать политическую свободу без помощи со стороны ведущего класса общества. Социал-демократы должны заручиться поддержкой со стороны рабочих, отстаивая их интересы, как это произошло на Западе, где буржуазия — в собственных интересах — вовлекла рабочих в революции 1830 и 1848 гг. (Плеханов Г. В. Соч. Т. II. С. 343—344).

¹³ Здесь нам следует хотя бы упомянуть о своеобразном взгляде Плеханова на прошлое России, который сформировался у него в конце 80-х и 90-х гг. и который придает еще большую сложность и проблематичность мировоззрению Плеханова. Если говорить коротко, то он различал фундаментальное расхождение между ранним историческим развитием России и Запада. Ввиду особых обстоятельств Россия превратилась в страну полувосточного или восточного деспотизма, режима необыкновенной стабильности, характеризующего рабским подчинением населения государству, которое контролировало средства производства. Пришествие капитализма, считал он, было провозглашено европеизацией общественно-экономического строя России, за которой неизбежно последует европеизация ее устаревшей политической системы. Это интересное построение кажется излишне схематичным; и в последние месяцы своей жизни Плеханов, очевидно, пришел к заключению, что он в свое время недооценил силы воздействия российского прошлого на судьбу общества. Более полно взгляды Плеханова на Россию как страну восточного деспотизма рассматриваются в статье, опубликованной в Лейдене; см. сноску 3 выше.

¹⁴ Ленин впервые выдвинул эту точку зрения в работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции». Подробно роль Плеханова в революции 1905 г. рассматривается с точки зрения ленинизма в работе С. В. Тютюкина «Первая российская революция и Г. В. Плеханов» (М., 1981). Совсем иное отношение С. В. Тютюкина к Плеханову в статье, опубликованной им в «Аргументах и фактах» (1989. Июнь).

¹⁵ Trotsky L. «Permanent Revolution» and «Results and Prospects». N. Y., 1970. «Результаты и перспективы» была впервые опубликована в 1906 г. Отличный общий анализ идей Троцкого дан в работе: Knei-Paz B. The Political and Social Thought of Leon Trotsky. Oxford, 1978.

¹⁶ Плеханов Г. В. Соч. Т. XV. С. 95. Работы Плеханова, посвященные революции 1905 г., содержатся в XIII и XV томах его Собрания сочинений.

¹⁷ Там же. Т. XIII. С. 333—334; Т. XV. С. 162.

¹⁸ Там же. Т. XV. С. 40, 67—76, 415—427, 439.

¹⁹ Там же. Т. XV. С. 199, 220—222.

²⁰ Там же. Т. XV. С. 108, 151—154.

²¹ Более подробное рассмотрение остальных вопросов, поднятых в данном разделе, см. Baron S. H. Plekhanov: The Father...

²² См., напр., его статью «Наше положение» (ноябрь 1905 г.): Плеханов Г. В. Соч. Т. XIII. С. 339—344.

²³ Современная жизнь. 1906. № II, 12.

²⁴ «Движущие силы и перспективы русской революции». Die Neue Zeit. XXV. Bd. 1. № 8, 9. Цитаты будут приведены здесь по русскому переводу работы: Каутский К. Движущие силы и перспективы русской революции. М., 1907.

²⁵ Там же. С. 32.

²⁶ Плеханов Г. В. Соч. Т. XV. С. 295—302.

²⁷ Baron S. H. Plekhanov: The Father... P. 270—271, 281.

²⁸ Все «за» и «против» в вопросе, была ли уготовлена России другая революция после 1905 г., рассматриваются в сборнике «Russia in Transition: 1905—1914» (R. McNeal ed. N. Y., 1970). Конечно же, мы не можем привести здесь полный список литературы по данной проблеме и упомянем лишь несколько репрезентативных работ. Л. Хеймсон утверждал, что революция стояла на повестке дня независимо от войны. См.: Haimson L. The Problem of Social Stability in Urban Russia. Part I//Slavic Review. XXIII. № 4. (December, 1964); Part. 2. Ibid. XXIV. № 1 (March, 1965). Ханс Роджер после анализа политической, социальной и культурной ситуации в 1914 г. фактически приходит к заключению, что этот вопрос остается открытым. См.: Rogger H. Russia in 1914//Journal of Contemporary History. I. № 4. (October, 1966). Социолог Теда Скокпол в работе «State and Social Revolution. A Comparative Analysis of France, Russia and China» (N. Y., 1979) убедительно продемонстрировала роль войны в ускорении революции. А. Кимбалл указывает, что, хотя видный историк И. И. Минц и отрицает решающую роль войны в наступлении революции 1917 г., всем ходом своих рассуждений он демонстрирует обратное (См.: Kimball A. I. Mintz and the Representation of Russian Reality//Slavic Review. XXXV. № 4. (1976)). Между прочим, в сентябре 1915 г. Плеханов высказал мнение, что Ленин ухватился за войну как за единственный способ достичь своих целей. «Если бы не разразилась война... то он, возможно, был бы обречен и исключен из Социалистического Интернационала» ввиду его «подрывной роли в русском рабочем движении» и, вероятно, потерпел бы политический крах. См. письмо Плеханова Алексинскому (документ № 5) в кн.: Baron S. H. Plekhanov in War and Revolution, 1914—1918//International Review of Social History (Amsterdam) XXVI (1981). Part. 3.

²⁹ Интересные рассуждения об альтернативах в 1917 г. встречаются в работе П. В. Волобуева «Выбор путей общественного развития: теория, история, современность» (М., 1987. Гл. III). См. также: Россия. 1917 год: выбор исторического пути/Отв. ред. П. В. Волобуев. М., 1989.

³⁰ Цеховитер О. Литература и мировая война 1914—1918. М., 1938. С. 214—217.

³¹ Труды Плеханова в период между возвращением в Россию и его смертью вошли в сборник «Год на родине» (Т. 1—2. Париж, 1921).

³² Год на родине. Т. 1. С. 19—29.

³³ Цит. по: Кускова Е. Давнее минувшее//Новый журнал. LIV (1958).

³⁴ Однако усилия профсоюза потерпели крах, и забастовка не состоялась: См.: Rabinowich A. The Bolsheviks Come to Power. N. Y., 1976. P. 308—310.

³⁵ В 80-е гг. была опубликована очень серьезная работа: Kingston -Mann E. Lenin and the Problem of Marxist Peasant Revolution. N. Y., 1983. См. также: Keep J. L. H. The Russian Revolution. A Study in Mass Mobilization. L., 1976. Ch. 28.

³⁶ Ленин сам писал в 1905 г.: «Демократический переворот буржуазен. Лозунг черного передела или земли и воли, — этот распространеннейший лозунг крестьянской массы... — буржуазен» (Ленин В. И. ПСС Т. 11. С. 102).

³⁷ Atkinson D. The End of the Land Commune 1905—1930. Stanford, 1983. Ch. 10.

³⁸ Однако следует добавить, что сразу же после Октябрьской революции в своем письме петроградским рабочим, цитированном выше, Плеханов утверждал, что ожидать социальную революцию в Германии было крайне нереалистично.

³⁹ В своем прощальном письме швейцарским рабочим, написанном в марте 1917 г., Ленин заметил: «Россия — крестьянская страна, одна из самых отсталых европейских стран» (Ленин В. И. ПСС. Т. 3. С. 91). Необходимость социалистической революции в Европе для компенсации отсталости России была неотъемлемой частью теории перманентной революции Троцкого. Эта мысль часто встречалась в трудах Ленина в 1917 и 1918 гг. В работе, которую Ленин написал в марте 1918 г., и которая была опубликована значительно позднее, он открыто изложил свои соображения: «Если бы социалистическая революция победила одновременно во всем мире, или, по крайней мере, в целом ряде передовых стран, то задача привлечения к процессу новой организации производства лучших специалистов — техников из руководителей старого капитализма была бы чрезвычайно облегчена» (Ленин В. И. ПСС. Т. 36. С. 139).

⁴⁰ Не будет лишним вспомнить здесь заявление Ленина, сделанное в 1905 г.: «Кто хочет идти к социализму по другой дороге, помимо демократизма политического, тот неминуемо приходит к нелепым и реакционным, как в экономическом, так и в политическом смысле, выводам» (Ленин В. И. ПСС. Т. 11. С. 16). К сожалению, сам он не всегда следовал этой заповеди.

⁴¹ В этой связи стоит вспомнить две плехановские идеи, которые, безусловно, имеют отношение к призывам времен перестройки к «демократическому, гуманному социализму»: «Суббота была создана для человека, а не человек для субботы»; и приведенный им в зрелые годы жизни кантианский афоризм о том, что каждый человек это цель, а не средство. Впервые эта мысль была высказана Плехановым в книге «О войне» (Париж, 1914. С. 39—41).

© 1995 г. Ш. Р. ЗАЙНЕТДИНОВ*

РЕВОЛЮЦИЯ, НАСИЛИЕ, ПРОГРЕСС

(Американский историк о проблемах российской истории)

История не знает обратного хода, не признает она и сослагательного наклонения. Любое однажды случившееся событие не может изменить ни своей сути, ни роли в цепи других явлений и фактов, составляющих в совокупности живую ткань истории. Но этого нельзя сказать о восприятии исторических событий человеческим сознанием. Напротив, чем значительнее в истории то или иное явление, тем больше споров вызывает оно как у современников, так и у последующих поколений.

Яркий пример тому — Октябрьская революция 1917 г. Подобно другим эпохальным событиям в мировой истории, революция в России была и, по-видимому, надолго останется центром притяжения всеобщего внимания, предметом острых споров и разногласий.

Поводом для написания данной статьи послужил выход в свет книг известного американского историка, специалиста по России Ш. Фитцпатрик, в которых дана весьма нетрадиционная оценка как самих событий революции, так и того гигантского общественного переворота, началом которого они послужили¹.

Смена модели общественного развития — процесс длительный и сложный, распадающийся на ряд этапов, каждый из которых обладает только ему

* Зайнетдинов Шамиль Рашитович, докторант Института российской истории РАН.